

СУВЕРЕНИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

История государственности XXI века внесла некие коррективы в характер использования общетеоретической юриспруденцией ряда категорий и понятий государствоведения. Имеется ввиду понимание суверенитета современного государства. В интерпретации этого понятия, государствоведы часто прибегают к естественному языку. С его помощью легко констатировать, что слово суверен (*sovereign*) дополняет, по меньшей мере, слово суверенитет (*sovereignty*). Однако английское слово *sovereignty* можно переводить двояко: и как суверенитет, и как суверенность. Благодаря нашему языку можно выделить различия: суверен, суверенность и суверенитет — которые считаем, определяется следующим образом.

«Суверенитет» (*sovereignty*) — общепризнанный политико-правовой принцип и закрепляющие его институты, которые не только делают возможным существование суверенов как таковых, но также обеспечивают их устойчивое сосуществование друг с другом (Суверенитет. Трансформация понятий и практик : монография / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) МИД России, каф. Сравнит. Политологии. — М. : МГИМО-Университет, 2008. — 228 с).

Разумеется, юридическая конкретизация понятий предполагает их «доопределение» за счет свойств: территориальности, границ, конституций, легитимации и многих других современных институтов, что сейчас не является нашей целью.

Начнем с того, что предыстория формирования современного концепта «суверенитет» достаточно длительна. Достаточно широк и круг насыщенных конкретным содержанием понятий и явлений, которые вовлечены в этот процесс, начавшийся еще с античности. Начало созревания идей о этом понятии, окружено вокруг порожденной Римом идеи имперской организации. Это идеал «всемирного господства» (*raх, imperium, principatus, dominates etc.*) и «высшей инстанции», носителя этого господства (*augustus, imperator, dominus et rex etc.*), а главное, концепт «самосозидающий порядок власти или авторитета» (*auctoritas*) (С. Роккан).

Обращаясь к прошлому, мы видим, что с образованием международно-правовых систем выстраивается историческая последовательность формирования понятий. Еще в период существования западноевропейской *Respublica Christiana* по обе стороны зоны бывшего

лимеса Римской империи — возникают династические центры власти, которые формируют крупные территориальные политии — ядра первых будущих государств. Именно династические центры, а скорее всего сами династы как раз и оказались первыми актерами, к которым стало приложимо слово суверен.

Как указывает М. Вайт, первая современная международная система сложилась в северной Италии в результате лодийского мира, заключенного в 1453 году (Wight M. *System of State*. — N. J.: Humanities Press, 1977; Mattingly G/ *Renaissance Diplomacy*. — N. Y.: Dover, 1988.). Основой системы был бартольдский принцип «самого себе принцепса» (*sibi princeps*) и баланс сил. В течении почти пяти десятилетий система Лоди исправно работала. Только в самом конце века в результате включения внешних сил — прежде всего Франции и Священной Римской империи — она была уничтожена итальянскими войнами. Эти войны способствовали распространению институтов и практик с юга «пояса городов» на север, а также уже в преобразованном виде из северной Италии во Францию и Священную Римскую империю. Видимо совершенно неслучайно завершившийся период итальянских войн, мир в Като-Камбрези (1559) хронологически почти совпал с Аугсбургской диетой (1555), принявший принцип «чья земля, того вера» (*cuius regio, ejus religio*). Становление этих порядков отчетливо существовало до середины XVII столетия и накладывает решающий отпечаток на Вестфальский мир.

Сегодня на международной арене «Вестфальский суверенитет» и «Филадельфийский суверенитет» юридически отсутствуют. Это обусловлено тем, что в современном мире суверенные права и полномочия государств часто ограничиваются разными факторами, объем внутренних прерогатив государств сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, и еще больше в связи с уже сложившимися традициями и тенденциями, которые, еще не нашли адекватного теоретического и договорного (практического) отражения. Одним из обстоятельств такого процесса можно считать глобализацию.

Общепризнанного определения глобализации нет, к примеру, Л. Е. Грин, определяет ее как процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государства проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов.

В этой связи важно обновить некоторые теоретические константы в соответствие с происходящими современными государственно образующими процессами. Имеется ввиду некая закономерность, когда многие страны начинают добровольно ограничивать себя в своем суверенитете и в своих суверенных правах без создания ранние известных форм, в обмен на то, что можно определить как признак нового мирового правопорядка и иной роли государства в нем. В тоже время, заметно

ослабление власти государств, оно происходит под влиянием мощных экономических процессов, которые не всегда идут однолинейно и только в одном направлении.

Системность тенденции добровольного сокращения современным государством объема своих полномочий является достаточно частым, особо это заметно в формировании, так называемой «долговой» функции государства. Возникновение в наше время возможности получения всевозможных кредитов от иностранных государств и международных организаций, порождает в современных государствах неосознанную склонность к долговым основам существования. Но это только одно слишком явное последствие потребительской зависимости современных государств, иные последствия носят более глубокий социальный характер. Достаточно посмотреть на те области, в которых сократились суверенные полномочия государств, взамен на права разрабатывать, хранить и испытывать те или иные виды оружия; устанавливать пошлины, налоги и определять их размеры; запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров (капитала) и проводить какие-то виды деятельности, создавать определенные виды промышленности и т.д.

С указанного следует и то, что концепт государства Вестфальского типа — всегда признавалось главным в суверенитете, право войны и мира, ныне уже под международным контролем. Конечно в этом случае можно сослаться на 50 летний Манифест Рассела и А. Эйзенштада, что искоренение войн потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ущемлять национальную гордость. Но следует отметить, что не все государства современного мира ограничены в национальном суверенитете на право ведения войны, достаточно вспомнить страны НАТО с США и Российскую Федерацию.

Исходя из этого, можно отметить, что мир становится свидетелем некого нового этапа государствообразования, когда роль и сущность современного государства приобретет иной социальный и правовой сенс.